

УДК 141.1

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В.Н. ЦЫГАНASH

(Ростовский юридический институт Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации)

Доказано, что несамостоятельность в идеологической оценке правовых явлений, которые отнесены к компетенции судебных органов, ведет к сужению собственного социально-философского содержания судебной власти и, как следствие, системным проблемам, связанным с ценностью судебной власти как социального института. Рассматривается судебная власть, реализующая чужой интерес, что предполагает социально-философский анализ той воли и того интереса, которые определяют ее направленность власти, а это означает, что судебная власть редуцируется в судебную функцию.

Ключевые слова: судебная власть, идеология, государство, гуманизм, связи с общественностью, конфликт.

Введение. Система органов судебной власти в российском обществе образует самостоятельный политический институт. Власть и право как объекты, над которыми судебным органом осуществляются операции оценки и усмотрения, позволяют, легально определяя запрещенное и дозволенное в праве как в формуле власти, определять и содержание государственной власти.

Авторское представление о судебной власти в российском обществе как о государственной власти, возникающей в силу уникальной функциональной обязанности – обязанности определить право для частного случая, власть определить от имени государства правовое должное, предполагает, что судебная власть включена в число агентов политической системы, продуцирующих власть, формирующих идеологию, систему ценностей и, в конечном счете, интерес, выраженный в праве.

Анализ политического аспекта социально-философского концепта судебной власти.

Мы не можем согласиться с тем, что судебная власть не является элементом политической системы, а суд, судья, судебная система – политическими агентами, акторами или участниками политического процесса. Несогласие основано на том, что судья самостоятельно интерпретирует ценности в случае спора о праве или факте, т. е. играет роль социального регулятора. Вне зависимости от структуры политической власти судебная власть всегда является элементом политической структуры.

Следствием этого являются: во-первых, включенность судебных органов в общую систему социально-политической и политико-правовой регуляции; во-вторых, невозможность рассмотрения судебной власти в отрыве от целевых характеристик социальной и государственной власти; в-третьих, наличие априори специального политического статуса органов судебной власти вне зависимости от того, каковы политический режим и расстановка центров политического влияния. Судебная власть обладает политической составляющей вне зависимости от этих факторов, а в силу того, что в собственной деятельности формирует понятие права, которое является формой власти.

Возможность сформировать право в случае индивидуального правоприменения является уникальным политическим ресурсом судебной власти, позволяющим оказывать влияние на других агентов политической системы. Это говорит о том, что всегда, в любом случае, в любой конфигурации политической системы, при любой расстановке центров политической власти, судебные органы как носители судебной власти будут иметь специальный политический статус.

Если судебную власть понимать как вид политической власти, а судебную систему, соответственно, как политический институт, то схема политической объективации связана с институциональной формой существования российской судебной власти.

Политический статус судебной власти в российском обществе с содержательной точки зрения определяется единством понимания должного как неправового, социального понятия с другими политическими акторами и институтами, уполномоченными обществом выражать в праве государственную волю и государственный интерес. Совпадение понятия должного является граничным критерием единства государственной власти и ее эффективности.

Совпадение или несовпадение должного в процессе оценки правового явления, события или факта связаны с тем, что судебный акт, будучи формальным актом актуализации государственной власти, обнаруживает качества преюдициальности только лишь в случае абсолютного совпадения фактов и обстоятельств двух конфликтных правовых ситуаций. Во всех других случаях преюдициальность судебной нормы условна и, в самом общем случае, зависит от судебного усмотрения, в котором сосредоточивается понятие свободы как обязательного условия существования власти как таковой. Требования единства государственной воли предполагает единство оценки юридически значимых фактов и событий. Вместе с тем различный масштаб правового нормирования законодателем, подразумевающий общество в целом или его часть (в любом случае, нормирование законодателем подразумевает масштабность и протяженность), и масштаб правового нормирования судьей, предполагающий ограниченность по кругу лиц и во времени, предполагает разобщенность оценок, поскольку разница в масштабе обуславливает разницу в применяемом методе правового регулирования.

С организационной точки зрения схема политической объективации судебной власти зависит от характеристик механизмов, используемых органами политической власти государства для разрешения противоречий, обуславливающих политическую плоскость бытия судебной власти и обеспечивающих деятельность институтов судебной власти как институтов макросоциального регулирования.

Выделяют три таких механизма. *Первый механизм* основан на существовании организационных и кадровых зависимостей судебных органов от органов, объективирующих государственную волю и государственный интерес в случае правового нормирования общества в целом. Это могут быть органы исполнительной и законодательной власти, а также органы и должностные лица, не относящиеся ни к исполнительной, ни к законодательной власти, но обладающие реальной политической силой, мощностью, способной оказывать влияние на формирование и деятельность высших органов государственной власти.

Конкретная реализация этого механизма зависит от формы правления, политического режима и обуславливается, в конечном счете, расстановкой политических сил в политической системе государства. Однако, и мы наблюдаем это во всемирном масштабе, имеет место зависимость кадровых назначений от того, насколько та или иная персоналия разделяет систему взглядов на должное с теми, кто олицетворяет политическую силу, т. е. механизм основан на совпадении интересов, что является одним из двух критериев существования судебной власти и судебной системы как элементов политической системы государства.

Второй механизм – это процесс, порядок рассмотрения дел. Как правило, процессуальное право понимается как часть норм правовой системы, регулирующей отношения по соблюдению процессуальной формы, требуемой для реализации и защиты материального права [1]. Процессуальное право неразрывно связано с материальным правом, так как закрепляет процессуальные формы, необходимые для его осуществления и защиты. Процессуальное право, применяемое для рассмотрения дел в судах, определяет порядок осуществления правосудия, которое также на-

правлено на охрану прав и законных интересов лиц и государства, однако отличается специфическим предметом и методом правового регулирования, а также системой источников, представляющих собой внешние формы выражения процессуально-правовых норм. Под процессом понимается всю совокупность процессуально-правовых действий и процессуально-правовых отношений, возникающих на всех стадиях рассмотрения дела: в первой, апелляционной, кассационной, надзорной инстанциях, при пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Однако если отвлечься от традиционного взгляда на процесс как на процедуру, позволяющую наиболее объективно рассмотреть спор о праве или о факте и проанализировать понятие судебного процесса с точки зрения его места и роли в общей системе государственно-правовой регуляции, то мы неизбежно придем к выводу о том, что в самом общем случае любой процесс, применяемый в судопроизводстве, призван решать две задачи.

Во-первых, он определяет, что есть истина, насколько совпадает юридическая и фактическая истина, т. е. необходимое и достаточное условие понимания должного в ситуации правовой неопределенности. Необходимость этого условия диктуется соотношением юридического и фактического, которое позволяет судебной-правовой норме восприниматься как социально справедливой. Достаточность этого условия – совпадение в соотношении истин должного, такого, каким оно видится органам, объективирующим государственную волю для общих случаев и решающим задачу макросоциальной регуляции, и должного, каким оно видится судье, суду, с учетом их масштаба правового регулирования.

Во-вторых, процесс, рассматриваемый как последовательная деятельность всей совокупности судебных органов, образующих единую судебную систему, позволяет выполнять судебной системе функции определения критериев смыслополагания, которые являются имманентными, обеспечивающими самостоятельность судебной власти, понимаемой в данном контексте как возможность реализации схемы учета интересов системы органов политической власти, отличной от реализации этой схемы органами законодательной и исполнительной власти.

Таким образом, процесс проведения судебной процедуры обеспечивает такой порядок принятия решений, который, с одной стороны, обеспечивает единство смыслополагания, а с другой, – уникальность решения.

Объективность существования первого и второго механизма объясняется их взаимной обусловленностью. Первый механизм основан на том, что нормативные критерии органам судебной власти задаются извне, оставляя свободу толкования лишь того, что относится к компетенции судебной власти. Процесс как правовая форма всегда объективирован в законе, а значит, он всегда является результатом согласования воли и интересов элементов политической системы государства относительно вопроса о том, как должно осуществляться правоприменение и соблюдение единства правовой формы государственной власти. Фактическим центром, относительно мнения которого реализуется процесс правоприменения в условиях спора о факте или о праве, являются органы, объективирующие государственную волю для общих случаев и решающих задачу макросоциальной регуляции.

Таким образом, механизм судебной процедуры оказывается, по сути, государственно-правовым механизмом, позволяющим диалектически объединить разноречивость, обуславливающую политическое существование судебной власти и судебной системы.

Третий механизм, позволяющий объяснить объективность существования судебной власти как власти политической, – это механизм различия в деятельности органов и должностных лиц системы органов власти. В самом общем виде он сводится к тому, что любая власть для собственного поддержания должна выполнять функции реализации и поддержания ситуации власти. «Такое разделение, – подчеркивал А. Васильев, – имеет очень важное значение для понимания госу-

дарственной власти, поскольку оно дает возможность все органы государства разделить на властные и властвующие и на этой основе определить их реальную роль в жизни общества, характер и способы взаимодействия, что, безусловно, оказывает большое влияние на эффективность деятельности государственной власти в целом» [2].

Деятельность тех органов государственной власти, которые могут быть отнесены к властным органам, основана на том, что они самостоятельно определяют внутренние стимулы, интересы, эмоции, заставляющие участников власти действовать. В этой связи, будучи участниками политического процесса, они самостоятельны в политическом смысле.

«Властвующий, – отмечал И. Ильин, – должен не только хотеть и решать, но и других систематически приводить к согласному хотению и решению. Властвовать – значит, как бы налагать свою волю на волю других; однако с тем, чтобы это наложение *добровольно принималось* теми, кто подчиняется. Властвование есть тонкий, художественно слагающийся процесс общения более могучей воли с более слабой волей. Этот процесс создает незримую и невесомую атмосферу тяготения периферии к центру, многих разрозненных волей к единой, организованной, ведущей воле. Создание такой атмосферы есть дело особого искусства, требующего не только интенсивности волевого бытия, но и душевно-духовной прозорливости, подлинного восприятия бессознательной жизни других и умения ее воспитывать. Властвующий должен сделать из своей воли, во-первых, силу, предметно одержимую государственную цель, и, во-вторых, действительный и единый волевой фокус народной жизни» [3].

Становясь не исполнителем, а элементом государственно-публичной власти, судебная власть обретает самые общие компоненты структуры общения в рамках государственно-публичной власти: агентов; ценности; способы (инструментально-институционные) и ресурсы. Именно взаимодействие между ними позволяет судебной власти реализовывать всю палитру отношений: «господство», «подчинение», «воля», «сила», «контроль», «распределение», «руководство», «лидерство», «управление», «давление», «властвование», «влияние», «авторитет», «насилие».

Выводы. Таким образом, отличия судебной власти в содержании, основаниях возникновения и способах учета интересов от иных форм государственной власти неизбежно приводят к отличиям в направленности власти и целях системы судебных органов, что в государственно-организованном обществе превращает судебную власть во власть политическую, а систему судебных органов – в элемент политической системы государства.

Основания политической объективации судебной власти связаны с тем, что:

- власть и право, взятые в их единстве, образуют условие существования государственной власти в государственно-организованном обществе. Субъектом власти, в этом случае, является лицо, полномочия которого позволяют легально осуществлять процедуру определения запрещенного и дозволенного в праве как формуле власти;

- диалектика права предполагает его существование как в случае нормирования (регуляции) повторяющихся явлений, так и в случае индивидуального правоприменения. Определяя право в случае индивидуального правоприменения, судья становится носителем государственной власти в той мере, в какой в данном обществе власть выражена в праве. Таким образом, судебная власть оказывается политической настолько, насколько право отражает консенсус интересов политических агентов данного общества;

- субъектом власти в случае индивидуального правоприменения при споре о праве или о факте становится судья;

- обязанность трактовки государственной воли в ситуации индивидуального правоприменения обуславливает существование судебной власти вне зависимости от типа политической

структуры, поскольку последняя определяет, как правило, свой интерес применительно к повторяющимся случаям, и только в случае, когда индивидуальное правоприменение затрагивает какие-либо важные интересы какого-либо политического агента, он стремится к влиянию на судебную власть, и если это влияние осуществляется, если источником воли оказывается не суд, а политический агент, то только в этом случае судебная власть как вид государственной власти, отражающей обобщенный интерес, трансформируется в судебную функцию как функцию трансляции чужой воли.

Содержание политической объективации зависит от характеристик механизмов, используемых органами политической власти государства для разрешения противоречий, обуславливающих политическую плоскость бытия судебной власти, и обеспечения деятельности институтов судебной власти как институтов макросоциального регулирования.

Библиографический список

1. Новицкая В.В. Процессуальное право: монография / В.В. Новицкая, В.А. Новицкий. – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2006. – 800 с.
2. Васильев А. Власть и властвование / А. Васильев // Гос. служба. – 2002. – № 6 (20). – С. 42–50.
3. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве / И.А. Ильин // Собр. соч. в 10 т. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994.

Материал поступил в редакцию 09.02.11.

References

1. Novickaya V.V. Processual'noe pravo: monografiya / V.V. Novickaya, V.A. Novickii. – Stavropol': Izd-vo SevKavGTU, 2006. – 800 s. – In Russian.
2. Vasil'ev A. Vlast' i vlastvovanie / A. Vasil'ev // Gos. slujba. – 2002. – № 6 (20). – S. 42–50. – In Russian.
3. Il'in I.A. Obschee uchenie o prave i gosudarstve / I.A. Il'in // Sobr. soch. v 10 t. T. 4. – M.: Russkaya kniga, 1994. – In Russian.

JUDICIAL AUTHORITY IN POLITICAL DIMENSION OF RUSSIAN SOCIETY

V.N. TSYGANASH

(Rostov Law Institute, the Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice)

Dependence in the ideological estimation of legal phenomena, reserved judicial authorities matters, is proved to result in the narrowing of the specific sociophilosophic content of the judicial authority and, as consequence, in the system problems connected with the judicial authority value as a social institution. Judicial authority realizing another's interest is considered. This assumes sociophilosophic analysis of that will and that interest which specifies its power focus, and this implies that the judicial authority is reduced to the judicial duty.

Keywords: *judicial authority, ideology, state, humanism, public relations, conflict.*